

РОМАН КУБОВ

Проверить
Скважина №7
Грунты — не держат.
Таблица — не сходится.
Зурцева П.

ВЕРСИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ

Роман Кубов

Версия для защиты

«Автор»

2026

Кубов Р.

Версия для защиты / Р. Кубов — «Автор», 2026

Полина Ярцева - главный архитектор проекта, который город ждёт восемь лет. в первый год работы, она подписала итоговый лист по первой очереди жилого комплекса "Затон", стройку заморозили - и чужую ошибку в изысканиях до сих пор считают её. Теперь проект возрождают, и в компанию приходит вице-президент по развитию Кирилл Демидов: связи, вопросы и прошлое, о котором Полина не догадывается. Им предстоит работать в связке: пересчитать стадию, защитить бюджет перед советом директоров и сдать концепцию городу. Но чем глубже Полина уходит в цифры, тем яснее: данные изысканий восьмилетней давности подменили, и кому-то в компании нужно, чтобы старая история оставалась закрытой. Она начинает расследование - по архивным описям, институтским копиям и памяти наставника - и не знает, что ближайший к ней человек тоже оставил в той истории свою страницу. Служебный роман про архитектуру, аудит и доверие.

© Кубов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Защита стадии	7
Глава 2. Человек с пустым портфелем	10
Глава 3. Приложение	13
Глава 4. Пересчёт	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Кубов

Версия для защиты

Пролог

Цифра не сходилась на тридцать семь единиц, и я сидел с ней уже второй час, потому что цифры, которые не сходятся, нельзя оставлять в покое: они возвращаются.

Отчёт инженерно-геологических изысканий лежал передо мной распечатанный, сорок семь листов, и лист сорок один был самым обыкновенным: таблица, примечания, подпись исполнителя. Я проверял его третий раз за вечер, потому что мне было двадцать девять лет, я работал аналитиком в инвестиционной группе второй год и очень хотел, чтобы мне дали настоящее дело. Настоящее дело выглядело так: жилой район "Затон" на месте старого судоремонтного завода, первая очередь, деньги наши, город даёт набережную, стройка начинается в мае. Моим участком была скучная часть - сверить отчёты изысканий с проектом фундаментов и написать справку, что всё сходится.

Она не сходилась.

Скважина номер семь, северо-запад угла первого корпуса. В таблице приложения значилось: несущая способность достаточная, грунты держат. В самой скважине, в её первичных данных, которые я раскопал в приложении к приложению, потому что мне было скучно и я любил копать вглубь: грунты держат плохо. Между двумя этими правдами лежали тридцать семь единиц и весь будущий фундамент первого корпуса.

Я снял очки и протёр их краем рубашки. За окном шёл февральский снег, мелкий и деловой, и Москва стояла в пробках, и уборщица тётя Надя гремела тележкой в коридоре, и весь этаж был пустой, потому что нормальные люди ушли домой в семь, а я сидел в десятом, потому что очень хотел настоящее дело.

Можно было решить, что я ошибся. Я проверил себя ещё раз. Ошибиться можно на единицу, на две; на тридцать семь единиц не ошибаются. На тридцать семь единиц либо ошибаются все, либо кто-то один подправил таблицу и подписал.

Итоговый лист стадии был подписан. Подпись стояла синими чернилами, размашисто, с привычкой обводить важное: "Согласовано. Инж. Ярцева П.". Рядом - дата, две недели назад. Я посмотрел на подпись и подумал, что человек с такой подписью либо уверен в своих цифрах, либо умеет расписываться не глядя. Тогда я ещё не знал, что подписи - это отдельная наука, и что эту науку мне придётся выучить целиком, вместе с тем, что она делает с людьми.

Я достал чистый лист. У меня была перьевая ручка, дешёвая, но с характером, и я писал ей всё важное, потому что то, что написано пером, уже нельзя сказать наоборот. Записка заняла три абзаца. Первый: где расхождение. Второй: почему оно важно - потому что фундамент первой очереди стоит именно там, где скважина номер семь, и если грунты не держат, то в мае на стройку выходить нельзя. Третий: прошу назначить проверку отчёта до вынесения решения о финансировании второй очереди.

На третьем абзаце я остановился.

Записка была правильная. Это была проблема: она была настолько правильная, что после неё нельзя было сделать вид, будто ничего не было. Если я её отнесу, финансирование второй очереди остановят минимум на месяц, а значит, остановят и первую очередь, потому что никто не строит вторую, пока не понял, что с первой. Если я её не отнесу, в мае в котлован первого корпуса зальют бетон, и дальше решать будет не бумага, а грунт, а грунт переговоров не ведёт.

Я перечитал записку и вписал в конец ещё одну строку, потому что так было честно: указал лист и подпись, на которой сходилось всё, кроме цифр. "Итоговый лист стадии подписан

исполнителем инж. Ярцевой П.; первичные данные скважины номер семь не соответствуют таблице приложения номер два". Я не знал никакой Ярцевой П. Я знал только то, что её подпись стоит под цифрами, которые не держат.

Потом я сидел и смотрел на подпись в отчёте, и думал о том, что ей, наверное, тоже двадцать с чем-то, и что она, наверное, тоже сидела вечером и тоже хотела настоящее дело, и что теперь настоящее дело получилось у нас обоих, только разное. За окном снег шёл ровнее, пробки рассасывались, город становился тише, и мне на секунду показалось, что если я уберу лист в ящик, то ничего не произойдёт. Это была плохая секунда, и я её переждал.

Отдел аудита занимал кабинет через коридор, и у них на двери висел лоток для входящих, потому что аудиторы не любили, когда им приносят бумаги лично: личное мешает проверке. Я дошёл до лотка и постоял над ним. В здании пахло остывшим кофе и бумагой, и пахло так, как пахнут все здания, где решения принимаются после семи вечера, - устало и окончательно.

Я положил записку в лоток, ровным краем к краю, потому что криво положенная бумага - это бумага, которую читают вторыми.

У лифта я остановился и вернулся. Не потому, что передумал: потому что вспомнил, что не подписался. Я расписался на последней строке, тем же пером, которым писал, и подумал, что подписываться нужно всегда, потому что подпись - это единственное, что в такой бумаге твоё. Всё остальное в ней чужое: чужие цифры, чужой отчёт и чужая жизнь, которая начнётся завтра у человека, чьё имя я вписал в конец.

Дверь лифта закрылась, и я поехал вниз, и смотрел, как этажи сменяют друг друга в обратном порядке, и думал о том, что утром отнесу отчёт ещё и своему директору, лично, чтобы записку не замяли в лотке входящих.

Утром я так и сделал. Директор прочитал записку стоя, у окна, вернул её мне и сказал:
- Правильно сделал. Сегодня положу на подпись. Иди работай.

Я пошёл работать. В тот день я ещё не знал двух вещей: что записку подпишут через три дня, а стройку заморозят через две недели. И что человека по имени Ярцева П. я встречу ещё раз, через восемь лет, и что она будет смотреть на меня так, как смотрят на человека, которого узнают не сразу, но навсегда.

Но это будет потом. А тогда был февраль, снег, сорок один лист, и тридцать семь единиц, которые не сходятся, и перо в моей руке, и подпись на чужом итоговом листе, и ровный край бумаги в лотке аудита, и мне казалось, что я сделал всё правильно.

Глава 1. Защита стадии

У каждого проекта есть точка, в которой он либо стоит, либо нет. У моей карьеры такая точка была назначена на понедельник, второе марта, десять утра, в большой переговорной на четвёртом этаже девелоперской группы "Волга-Среда".

Я пришла в восемь, потому что презентации, которые решают, нельзя показывать в первый раз: их нужно сначала показать себе. Макет "Затона" стоял в углу переговорной под плёнкой, и я сняла плёнку и постояла над ним. Старый судоремонтный завод на берегу, и набережная, и две очереди жилья за ним, и всё это в масштабе, и всё это моё, и слово "моё" я употребляла без собственности, потому что в архитектуре ничего не бывает твоим, пока не построено.

- Полина Андреевна, - сказала Дина, моя помощница, возникнув в дверях с двумя стаканами кофе. - Волин подтвердил. Белов будет. И ещё.

- Что ещё?

- Новое лицо, - сказала Дина. - Из Москвы. Вице-президент по развитию, сегодня первый день. В рассылке было в пятницу, вы не читали.

- В пятницу я читала генплан, - сказала я. - Это было важнее рассылки.

Дина поставила кофе на стол и посмотрела на меня так, как смотрят на людей, которые читают генпланы вместо рассылок, и любят их за это.

- Он из инвесторов, - сказала Дина. - Говорят, его прислали, потому что у нас сроки горят, и город уже дважды спрашивал, когда начнём.

- Сроки горят не у нас, - сказала я. - Сроки горят у города, потому что набережную обещали к юбилею, а мы не можем выйти на площадку, пока не согласована первая очередь. Сегодня согласуем. Сегодня всё решится.

Я достала тетрадь. Тетрадь была клетчатая, рабочая, и я веду такие с института: всё важное у меня сначала появляется в тетради, а потом уже в компьютере, потому что то, что записано рукой, проверено дважды. Я записала дату и три вопроса, на которые моя презентация должна была ответить совету, и обвела каждый дважды, потому что трижды - это уже тревожность, а дважды - это метод.

В девять пятьдесят в переговорную стали входить. Волин сел во главе, потому что председатель совета директоров всегда садится во главе, даже когда стол круглый. Белов сел рядом с ним, мягко и основательно, как садятся люди, которые сидят в этом кресле двадцать лет, и улыбнулся мне улыбкой, в которой было всё: и поддержка, и оговорка, и команда, и то, что команда - это он.

- Удачи, Полина Андреевна, - сказал Белов. - Мы же одна команда.

- Спасибо, Аркадий Сергеевич, - сказала я. - Команда - это когда слушают.

Он засмеялся так, как смеются над репликами, которые ему нравятся своей дерзостью, потому что дерзость в подчинённых он коллекционировал.

Волин открыл заседание и сказал слово, которое он говорил всегда, потому что считал, что долгие заседания - это воровство денег компании:

- Короче. Ярцева, стадия "П" по первой очереди "Затона". Регламент - двадцать минут.

Я встала у экрана. Я знала эту презентацию наизусть, потому что делала её сама и перedelывала трижды, и первая минута была о том, что "Затон" - это не жильё у реки, а река, возвращённая городу, и что набережная - это позвоночник, а всё остальное - рёбра, и что без позвоночника рёбра не держат. Это была хорошая метафора, и я её любила, потому что она была правдой, и начала я с неё.

На седьмой минуте я рассказывала о нагрузках, и тут дверь переговорной открылась, и вошёл человек, которого не было в списке.

Он вошёл не извиняясь и не демонстрируя, что не извиняется, а просто вошёл, как входят люди, которым сообщили, что они нужны именно сейчас, и Волин поднял руку, останавливая меня, и сказал:

- Короче, знакомьтесь. Демидов Кирилл Александрович, вице-президент по развитию. Приступил сегодня. Продолжайте, Ярцева.

Демидов сел на свободный стул у окна, и я продолжила, и первая мысль у меня была профессиональная: у него была посадка человека, который слушает не слова, а то, что за ними, и что таким людям нельзя показывать слайды, им нужно показывать решения. Я перестала читать презентацию и стала её рассказывать, и почувствовала, как зал слушает лучше, потому что зал всегда чувствует, когда говорящий перестаёт бояться.

Я дошла до нагрузок первой очереди и до таблицы геологии, и тут он заговорил.

- Скважина семь, - сказал Демидов.

Я посмотрела на слайд. Скважина семь была в таблице, в северо-западном углу первого корпуса, обыкновенная строка.

- Что скважина семь? - спросила я.

- Какая несущая способность, - сказал он. - По вашему проекту фундамент первого корпуса стоит прямо над ней. Я хочу услышать цифру из ваших уст, а не с экрана.

Тишина была короткая, и я её заполнила, потому что цифры я держала в голове, и это была моя работа - держать цифры в голове.

- По отчёту изысканий, достаточная для проектных нагрузок, - сказала я. - Грунты держат.

- По какому отчёту, - сказал Демидов.

- По действующему, - сказала я. - Заключение института, год две тысячи восемнадцатый, подтверждено при актуализации стадии.

- Две тысячи восемнадцатый, - повторил он, и не спросил, а именно повторил, как повторяют то, что уже знают, и смотрел он при этом не на экран и не на меня, а на мои руки, в которых я держала указку, и это было странно, и я запомнила это, потому что странные вещи я запоминаю.

- У вас вопрос по геологии? - спросила я.

- У меня вопрос по уверенности, - сказал Демидов. - Вы говорите "грунты держат". Вы их проверяли?

- Я проверяла всё, что входит в мою стадию, - сказала я. - Геология пришла к нам заключением, и её подписывал не мой отдел.

- Но стоит она под вашей нагрузкой, - сказал он. - Значит, ваша. Проверьте. Ещё раз.

Волин слушал, глядя в стол, и я видела, что он считает, и это было плохо, потому что Волин считал только то, что стоило денег.

- У меня стадия готова к передаче, - сказала я. - Я могу перепроверить геологию, но это не двигает срок. Срок двигает решение совета.

- Срок двигает уверенность, - сказал Демидов. - Я предлагаю совету отложить утверждение стадии на три недели. За это время проектный отдел пересчитывает нагрузки с учётом перепроверки изысканий, и мы выходим на защиту с цифрами, за которые можно поставить подпись.

Он сказал "поставить подпись" и посмотрел на меня, и я не поняла, почему это прозвучало как отдельная фраза, и запомнила и это.

- Три недели, - сказал Белов мягко. - Это сдвигает договор с городом. Полина Андреевна, может быть, мы ограничимся пояснительной запиской?

- Записка не держит фундамент, - сказала я, и пожалела об этом сразу, потому что зал засмеялся, а зал, который смеётся над твоими остротами, потом голосует против тебя.

Волин поднял руку, и зал затих, потому что руку он поднимал редко.

- Короче, - сказал он. - Стадию отложить. Три недели. Проектному отделу - пересчёт. Ярцевой - согласовать с городом перенос. Премия квартала проектного отдела переносится до утверждения стадии. Заседание закрыто.

Зал встал, потому что Волин не умел заседать дольше, и я стояла у экрана и смотрела, как моя презентация гаснет, и думала о том, что премия квартала - это не деньги, а знак, и что знак этот повесили на мой отдел, и что за двадцать минут до этого всё стояло, и вот уже не стоит.

Егор подошёл первым. Егор был начальник отдела проектирования, и отдел у него был мой же, только в его понимании он был общий, и он говорил "я тебе говорю" так часто, что эта фраза давно стала его именем.

- Смотри, - сказал Егор. - Это не проверка. Это приход. Вице-президент, который в первый день валит стадию, пришёл не строить. Я тебе говорю: он пришёл резать.

- Откуда ты знаешь, что он пришёл резать?

- У него портфель, - сказал Егор. - У тех, кто строить, портфели с чертежами. А у него портфель пустой, я видел в приёмной. Пустой портфель - это человек, который пришёл за чужими бумагами.

Это было смешно, и это было не похоже на правду, и я запомнила и это, потому что Егор иногда выдавал правду в таком виде, в котором её нельзя было признать сразу.

Белов подошёл вторым. Он положил мне руку на плечо, и рука была тёплая, и это было хуже всего, потому что холодные руки я понимала.

- Не расстраивайтесь, Полина Андреевна, - сказал Белов. - Три недели - это срок, а срок - это просто дата. Мы же одна команда. Геология - бумажка, переподпишем.

- Геология - это грунт, - сказала я. - Грунт не переподписывается.

- Всё переподписывается, - сказал Белов ласково. - У нас в отрасли, Полина Андреевна, всё переподписывается. Вы ещё молодая.

Он ушёл, и я осталась в переговорной одна, и Дина собирала стаканы, и макет "Затона" стоял под плёнкой, и плёнку я не сняла обратно, потому что мне нужно было видеть его открытым, и это было всё, что я могла себе позволить в тот день.

Я открыла тетрадь и записала три пункта. Первое: запросить дело первой очереди в архиве, целиком, с изысканиями. Второе: найти человека, который задаёт вопросы про скважину семь, и понять, что он знает. Третье: обвела дважды. Третье было короткое, и оно называлось: не паниковать.

В дверь переговорной заглянула секретарь приёмной.

- Полина Андреевна, - сказала она. - Вас просят в кабинет к новому вице-президенту. Сейчас. Он сказал, что это про геологию.

Я посмотрела на макет. Макет стоял ровно, потому что макеты у меня всегда стоят ровно, и это было единственное, что в тот день стояло ровно. Я закрыла тетрадь, потому что ходить к человеку, который за двадцать минут снёс тебе стадию, нужно без тетради: пусть видит руки, а не записи.

- Иду, - сказала я.

Я шла по коридору и думала о том, что у каждого проекта есть точка, в которой он либо стоит, либо нет, и что у моей стадии такая точка была сегодня, и что я её прошла, и что теперь мне нужно пройти ещё одну, и что находится она в кабинете человека, который почему-то знает номер скважины, которую я сама увидела впервые.

Глава 2. Человек с пустым портфелем

Утром второго рабочего дня я приехал в офис к восьми, потому что в восемь офис пустой, а пустой офис говорит о компании больше, чем заполненный: видно, кто приходит раньше начальника, и видно, кто не приходит вовсе.

Кабинет мне дали на четвёртом этаже, рядом с проектным департаментом, и это было правильно: людей нужно слышать, а не читать о них в отчётах. Я поставил на стол одно дело: папку с "Затоном", текущую стадию, которую мне прислали из приёмной ещё в Москве, и я знал её почти наизусть, потому что читал в самолёте, и в поезде, и вчера вечером, и сейчас читал снова, потому что бумага, которую читаешь четвёртый раз, всегда отдаёт то, что не отдала в первые три.

Стадия была хорошая. Это я понял сразу, и это меня злило.

Хорошая стадия - это редкость, и у хорошей стадии есть подпись, и подпись стояла на титуле: главный архитектор проекта Ярцева П. А. Я смотрел на эти буквы вчера двадцать минут, и сегодня смотрел снова, потому что за восемь лет я не видел ни одной её работы и не знал, чего ждать, и приготовился к худшему, потому что к худшему готовиться легче.

В девять я пошёл знакомиться с департаментом, потому что знакомиться нужно ногами.

Департамент сидел на своём этаже так, как сидят все проектные департаменты: культуры у них теперь были электронные, но привычки остались бумажные. У стены стоял макет "Затона", и я остановился у макета и постоял над ним, потому что макет - это единственный документ, который не умеет врать: всё, что автор думает про свой проект, видно в макете, и про этот проект автор думал хорошо.

- Красивый, - сказал голос за спиной. - Только старый.

Я обернулся. За спиной стоял Белов, коммерческий директор, и улыбался той улыбкой, которая у него была вместо рукопожатия.

- Добрый день, - сказал я. - Чем старый?

- Духом, - сказал Белов. - Ему уже скоро восемь лет, первая очередь. Мы его тогда заморозили, и правильно сделали: грунты были слабые, денег не было. Теперь вот размораживаем, и я всё думаю, зачем нам этот макет тут стоит. Место занимает. В архив его, наверное, пора. Полина Андреевна у нас сентиментальная, держит.

- Пусть стоит, - сказал я.

Белов посмотрел на меня с интересом, и интерес этот я запомнил, потому что люди, которые запоминают чужие решения, потом их используют.

- Как скажете, Кирилл Александрович, - сказал Белов. - Хозяин - барин. Пойдёмте, познакомлю вас с командой, у нас через десять минут летучка.

Летучка была в переговорной, и команда была полная, и я смотрел на команду и думал о том, что команды не бывают случайными: команда - это всегда след того, кто её собирал. Люди сидели по интересам, а не по штатному расписанию, и это значило, что проектный департамент собирал не тот, кто подписывает приказы.

- Коллеги, - сказал Белов. - Наш новый вице-президент по развитию. Прошу любить, как умеете.

Я сказал то, что говорят в таких случаях, и добавил одно, потому что в таких случаях нужно добавлять одно:

- Я пришёл достроить "Затон", - сказал я. - Не пересобрать и не перепродать. У нас с городом график, и график этот мы держим вместе. Вопросы задавайте сейчас, потом будет некогда.

Вопросы задали сразу, и были они про премию, и про сроки, и про то, кого сократят, и я ответил на все три честно: премию вернёт утверждённая стадия, сроки держим, сокращений

нет, пока я в этом кабинете. После третьего ответа в комнате стало тише, и тишина эта была рабочая, и я записал себе, что команда живая, а живая команда – это ресурс, который нельзя ломать.

Ярцевой на летучке не было. Я спросил про неё после, и Егор Савин, начальник отдела проектирования, ответил за всех:

- Она в бюро, - сказал Егор. - У неё стадия. Вы же ей вчера три недели навесили, вот она и сидит.

- Навесили, - повторил я. - Хорошее слово. Передайте, что зайду к ней сегодня сам.

Егор посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которому объясняют то, что он всё равно не поймёт, и я запомнил и этот взгляд, потому что взгляды, которые мне дают авансом, потом всегда приходится отрабатывать.

Бюро главного архитектора было в конце этажа, за стеклянной перегородкой, и в нём было окно на реку, и подоконник, и на подоконнике стояла кружка, и всё это было устроено так, как устраивают себе место люди, которые живут на работе дольше, чем дома. Ярцева сидела за столом и чертила, и чертила она вручную, карандашом, и это было первое, что я про неё понял, потому что вручную чертят только те, кто не доверяет машине проверить за себя.

- Добрый день, - сказал я. - Можно?

- Вход открыт, - сказала она, не поднимая головы. - У нас в бюро дверь вообще нет.

Дверей действительно не было. Я вошёл и встал так, чтобы видеть стол, но не стоять над столом, потому что над столом стоять – это давить, а я пришёл не давить. Я пришёл смотреть.

- Вы вчера спрашивали про геологию, - сказала она и подняла голову. - Я принесла отчёт. Действующее заключение, актуализация, всё, что у нас есть по изысканиям. Если вы хотите пересчёт, я его сделаю, но хочу сразу: пересчёт покажет то же, что показал в две тысячи восемнадцатом. Грунты держат.

- Покажет, - согласился я. - Если считать по тем же данным.

Она смотрела на меня, и я видел, как она меня собирает: по посадке, по рукам, по тому, где я встал, и я знал, что это её работа – собирать людей, потому что архитекторы сначала смотрят на каркас, а потом на фасад, и я подумал, что мой каркас ей сейчас не понравится.

- Что вы имеете в виду? - спросила она.

- Я имею в виду, что отчёт две тысячи восемнадцатого года я видел, - сказал я. - Не этот. Тот. Тот был толще на одно приложение, и в нём была скважина номер семь, и по ней были вопросы. Я хочу понять, куда делось приложение и куда делись вопросы.

Это было больше, чем я собирался сказать, и я услышал это по её лицу: лицо у неё стало такое, какое бывает у людей, которым сказали, что их дом стоит не на том фундаменте, который они сами выбрали.

- Я не знаю никакого приложения, - сказала она. - Я знаю отчёт, который у нас в деле. Вы говорите про первую очередь, а первую очередь я приняла на готовом заключении, как все. Если у вас есть вопросы к изысканиям – их нужно задавать институту, а не мне.

- Институту я задам, - сказал я. - Но подпись на итоговом листе ваша.

Она молчала ровно столько, сколько нужно, чтобы молчание стало ответом, и потом сказала:

- Моя. Итоговый лист стадии подписывала я, потому что на момент подписи была исполнителем, и это было восемь лет назад, и я тогда работала первый год. Если вы хотите сказать, что я подписала что-то не глядя, - скажите словами, без пауз. Я отвечу.

Я смотрел на неё и думал о том, что восемь лет назад я вписал в записку строчку про инженера Ярцеву П., потому что так было положено по процедуре, и о том, что процедуру я тогда знал лучше, чем людей, и что людей я с тех пор не выучил до конца, но что-то уже начинал понимать.

- Я хочу сказать, что я не знаю, что вы подписали, - сказал я. - И что я хочу это выяснить. Вместе с вами или без вас, но выяснить. Стадию я вчера не валил. Стадию я отложил, потому что отложить - это дать время. Если вы хотите, чтобы я знал разницу между этими словами, - считайте, что я её знаю.

Она смотрела на меня, и молчание у неё стало другое, и это было хорошо, потому что молчания у людей бывают разные, и я научился их различать за восемь лет работы с бумагами, которые молчат громче людей.

- Тогда скажите, что вам нужно, - сказала она.

- Мне нужен архив первой очереди, - сказал я. - Полностью. Изыскания, переписка, протоколы. Всё, что осталось в деле. Дина из вашей приёмной уже знает, что я запрошу дело. Я пришёл сказать, что запрошу его вместе с вами, потому что вдвоём быстрее, и потому что так честнее.

- Честнее, - повторила она. - Вы часто это слово используете?

- Когда есть повод, - сказал я. - Сегодня повод есть.

Она открыла ящик стола и достала тетрадь, и тетрадь была клетчатая, рабочая, и она записала в неё что-то и обвела дважды, и я запомнил этот жест, потому что жесты, в которых люди обводят написанное дважды, - это жесты людей, которые проверяют за собой, и я подумал, что восемь лет назад я проверял за собой трижды, и что нам, наверное, было бы о чем поговорить, если бы не всё остальное.

- Дело я запрошу сегодня, - сказала она. - Архив у нас электронный, но первая очередь частично в бумаге, и бумага лежит на складе. Запрос идёт два дня. Я вам напишу, когда будет.

- Договорились, - сказал я.

Я повернулся, чтобы уйти, и остановился у стола, потому что на столе лежал лист, и на листе был разрез первого корпуса, и разрез был сделан так, как делают разрезы люди, которые видят здание целиком, и я знал такой почерк, потому что видел его вчера на презентации, и мне нужно было уйти, и я не уходил.

- Что-то ещё? - спросила она.

- Разрез, - сказал я. - У вас стена первого корпуса стоит на отметке минус четыре и два. В исходных данных было минус три и восемь. Почему?

Она посмотрела на лист, и на меня, и снова на лист, и ответила сразу, потому что ответы у неё хранились так же, как цифры:

- Потому что между изысканиями и стадией был пересмотр, и вода пошла выше, и я посадила корпус глубже, чтобы не играть с гидроизоляцией. Если хотите, покажу расчёт.

- Покажете, - сказал я. - Потом.

Я вышел из бюро и пошёл по коридору, и думал о том, что она посадила корпус глубже, потому что вода пошла выше, и о том, что воду из земли не достают задним числом, если не знать, где смотреть, и что человек, который знает, где смотреть, не подписывает чужие цифры не глядя. Это было первое, что я про неё понял точно, и это меняло всё, что я думал до этого, и я шёл по коридору и думал о том, что менять всё, что думал, - это тоже работа, и что работу эту я, кажется, только что взял.

Вечером в кабинете я достал из портфеля папку, которую вожу с собой восемь лет, и открыл её на листе сорок один. Лист был тот же: таблица, примечания, подпись. Я посмотрел на подпись и положил лист обратно, потому что смотреть на него дольше не имело смысла: смотреть нужно было не на подпись, а на того, кто её ставил, и сегодня я увидел его впервые.

Я закрыл папку и записал себе в ежедневник одно слово, потому что одно слово - это всё, что мне сегодня было нужно записать. Слово было короткое, и оно называлось: проверить.

А под ним, подумав, я написал второе. Второе называлось: успеть.

Глава 3. Приложение

В четверг утром город сказал нам, что мы опаздываем. Сказал вежливо, в кабинете Управления архитектуры, с видом на набережную, на которой пока не было ничего, кроме обещаний.

Марина Штерн была из тех городских служащих, которые носят должность так, как носят пальто: привычно и без украшений. Она разложила перед нами график, и график был красный там, где у нас было пусто.

- Полина Андреевна, - сказала Штерн. - Мы вас любим. Проекты ваши мы тоже любим. Но юбилей города - это срок, а срок - это не мнение. Первая очередь должна выйти на площадку в этом строительном сезоне, иначе набережная уходит в программу следующего года, а в программе следующего года вас нет.

- Стадия у нас на пересмотре, - сказала я. - Три недели.

- Три недели у вас, - сказала Штерн. - А у нас совет по градостроительству в конце апреля. Я предлагаю так: вы выходите на совет не со стадией, а с концепцией. Концепция района цельком, с набережной, с очередями, с цифрами. Совет видит картину и даёт вам дорогу на сезон. Не видит - дорогу ищем другие.

- Концепцию за шесть недель, - сказала я. - Вместе с пересчётом стадии.

- Концепцию за шесть недель, - согласилась Штерн. - И чтобы защищал её не один докладчик. Город хочет видеть, что заказчик и проектировщик говорят одним ртом. Это у нас называется совместная защита.

Я посмотрела на Демидова. Демидов сидел рядом со мной, потому что на такие встречи вице-президенты ездят сами, и слушал он так, как слушают люди, которые уже всё решили и дают другим договорить.

- Мы успеем, - сказал Демидов. - Концепцию делает проектный департамент, защиту введём вдвоём: я и главный архитектор. График согласуем на этой неделе.

- Вдвоём, - повторила Штерн и посмотрела на меня. - Полина Андреевна, вы согласны?

Я молчала ровно одну секунду, потому что на таких встречах одна секунда молчания - это вежливость, а две - это уже ответ.

- Согласна, - сказала я.

В машине, на обратной дороге, Демидов сказал:

- Мне нужен стол в вашем бюро.

- Зачем? - спросила я.

- Затем, что концепция за шесть недель не делается по переписке, - сказал он. - Она делается, когда два человека сидят рядом и спорят. У меня кабинет на четвёртом, у вас бюро в конце этажа, и между ними коридор, а коридор - это расстояние, а расстояние в нашем деле - это дни. Я займу стол у окна, если вы не против.

- Я против, - сказала я. - Но я понимаю, что это не имеет значения.

- Имеет, - сказал он. - Если вы против, я поставлю стол в коридоре.

- Стол в коридоре мне будет мешать больше, чем стол в бюро, - сказала я. - Ставьте.

Он поставил стол в пятницу, и стол был его собственный, из кабинета, и на столе не было ничего, кроме папки и ручки, и это было показательно, потому что люди, у которых на столе ничего нет, либо очень организованные, либо очень пустые, и я пока не решила, какое из двух.

Пятница ушла на концепцию. Мы сидели вдвоём и делали то, что у архитекторов называется сваркой: брали моё генплановое решение и его экономику очередности и пробовали их соединить так, чтобы шов не лопнул. Спорили мы по делу, и споры были хорошие, потому что он не спорил с тем, чего не понимал, и не соглашался с тем, чего не проверил, и к вечеру у нас стояло три очереди и набережная, и это было больше, чем я думала сделать за день.

- Вы быстро считаете, - сказал он, когда мы закончили с посадкой второй очереди.
- У меня тетрадь, - сказала я. - А у вас?
- У меня память, - сказал он. - Но тетрадь надёжнее. Я смотрю, вы всё обводите дважды.
- Это метод, - сказала я. - Один раз пишешь, два раза проверяешь.
- А три? - спросил он.
- Три - это уже тревожность, - сказала я.

Он засмеялся, и смех у него был короткий, и он его не закончил, как не заканчивают то, что начали по ошибке, и я запомнила и это, потому что в моей системе координат люди, которые обрывают собственный смех, либо очень усталые, либо очень виноватые.

В пять вечера пришла Дина и принесла коробку.

- Архив первой очереди, - сказала Дина. - Бумажная часть. Электронное я вам на почту скинула. Тут, - она кивнула на коробку, - то, что не оцифровали. Два дня пролежало на складе, потому что на складе был учёт, и нас искали по старому шифру.

Коробка была обыкновенная, картонная, и пахла так, как пахнут все коробки со склада: пылью и чужим временем. Я поставила её на свой стол, потому что архивные коробки я всегда разбираю сама, и это правило у меня появилось восемь лет назад, и появилось оно не просто так.

- Я помогу, - сказал Демидов.
- Это мой архив, - сказала я.
- Это общий проект, - сказал он. - Но если вы хотите, я подожду в коридоре.
- Стол ваш, - сказала я. - Сидите.

Мы разбирали коробку вдвоём, и в коробке было то, что всегда бывает в коробках замороженных дел: протоколы совещаний, переписка с подрядчиками, ведомости, и всё это было сложено теми, кто складывал в последний раз, и складывали его торопясь, потому что дела, которые закрывают, складывают торопясь, а дела, которые замораживают, складывают так, как будто их больше никогда не откроют.

Демидов разбирал молча и быстро, и я видела, что он знает, что ищет, потому что люди, которые знают, что ищут, разбирают бумаги иначе, чем те, кто просто смотрит. Я спросила его об этом.

- Что вы ищете? - спросила я.

- Переписку с институтом, который делал изыскания, - сказал он. - И протоколы, на которых принимали решение о заморозке. А вы?

- Я ищу свои расчёты, - сказала я. - Я тогда вела рабочую тетрадь, и часть расчётов дублировала в ней. Тетрадь я сдала в дело, когда принимала итоговый лист. Если она здесь - я быстро пойму, сходится ли стадия с изысканиями.

Он посмотрел на меня, и посмотрел он так, как смотрят люди, которым ответили на вопрос, который они не задали, и я подумала, что вопросы у него бывают двух видов: те, которые он задаёт, и те, которые он носит с собой, и вторые у него главнее.

Тетрадь нашлась на дне коробки. Это была моя тетрадь, клетчатая, синяя, и я узнала её сразу, потому что свои тетради я узнаю так, как узнают детей, и я открыла её на расчётах первой очереди, и стала листать, и листала я её молча, потому что это было моё время, и мне было нужно время.

Приложение нашёл он.

- Полина Андреевна, - сказал он. - Здесь папка с приложениями к отчёту изысканий. Приложение одно, и приложение номер два.

- Приложение одно не бывает, - сказала я. - Если есть номер два, есть номер один.
- Номера один нет, - сказал он.

Я подошла к его столу. В папке лежал один лист, и лист назывался "Приложение номер два. Уточнённые данные по несущей способности грунтов", и под названием стояла строка

"согласовано", и рядом инициалы: А. Б., и я посмотрела на лист, и посмотрела на таблицу, и таблица была та самая, по которой мы считали стадию восемь лет назад, и по которой считали сейчас.

- Это действующее приложение, - сказала я. - По нему всё и считается.

- А по чему считали до него? - спросил Демидов.

Я открыла свою тетрадь. В тетради у меня были исходные данные изысканий, те, которые я переписывала из первого отчёта, и цифры в моей тетради не совпадали с цифрами приложения номер два. По скважине номер семь у меня было записано одно, а в приложении было другое, и разница была ровно такая, какой я её запомнила, потому что такие цифры запоминаются: тридцать семь единиц.

- У меня в тетради другие данные, - сказала я.

- Какие? - спросил он.

- Хуже, - сказала я. - По скважине номер семь. У меня записано, что грунты держат хуже, чем написано в приложении. Я пересчитала разницу: тридцать семь единиц. Это такая разница, с которой либо не строят, либо строят по другим данным.

Демидов смотрел на лист, и смотрел он на него так, как смотрят на вещь, которую искали восемь лет и которая всё это время лежала в коробке на складе, и я не понимала ещё, почему у него такое лицо, и не спрашивала, потому что лица, которые делают люди над чужими бумагами, сначала нужно дать им доделать.

- Кто такой А. Б.? - спросила я.

- Этого я пока не знаю, - сказал он. - А вы?

Я смотрела на инициалы, и они мне ничего не говорили, потому что согласований в деле были десятки, и чужие инициалы через восемь лет - это просто буквы, и я подумала, что согласовано это приложение было за две недели до заморозки, и что заморозили первую очередь по геологии, и что приложение про уточнённую геологию лежит в деле замороженной стадии, и что это, наверное, совпадение, потому что совпадения в стройке бывают, хотя и реже, чем кажется.

- Я не знаю, - сказала я. - Но я узнаю.

- Как? - спросил он.

- Запрошу в институте исходники, - сказала я. - У изыскателей хранится копия отчёта, и копия хранится целиком, со всеми приложениями. Если приложение номер два уточняло данные, в копии будет видно, что оно уточняло.

Я закрыла папку и положила на неё свою тетрадь, потому что свои вещи я всегда кладу сверху, и посмотрела на Демидова, и он смотрел на папку, и между нами на столе лежала бумага, которая была старше нас обоих в этом проекте, и которая, как я вдруг поняла, только что изменила всё, что я про этот проект знала.

- Кирилл Александрович, - сказала я. - Почему вы вчера спросили именно про скважину номер семь?

Он поднял на меня глаза, и молчал он ровно столько, сколько нужно, чтобы молчание стало решением.

- Потому что по ней были вопросы, - сказал он. - Восемь лет назад. Я расскажу, когда сам пойму, что рассказывать. До этого - давайте работать. Запрос в институт я помогу составить, у меня остались связи.

Это был не ответ, и это было больше, чем ответ, потому что ответы у людей бывают готовые, а это был честный, и честные ответы всегда начинаются с того, что человек признаётся, что чего-то пока не знает.

Я записала в тетрадь два слова. Первое было: институт. Второе я обвела дважды, потому что оно было главное, и оно называлось: верить. Не ему. Себе. Но я подумала, что на этой неделе мне понадобится и то, и другое.

Глава 4. Пересчёт

Тридцать семь единиц - это не цифра, это подпись.

Я понял это в воскресенье вечером, когда сидел дома со своей старой папкой и сравнивал то, что записал восемь лет назад, с тем, что Полина Андреевна показала мне в пятницу. Восемь лет назад я написал в записке: первичные данные скважины номер семь не соответствуют таблице приложения. Я не знал тогда, как называется приложение, и не знал, что его подменили. Я знал только разницу, и разница была в тридцать семь единиц, и я записал её в служебную записку, потому что цифры, которые не сходятся, нужно записывать, иначе они перестают существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.